

УДК 81'42

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И АВТОРИЗАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

Сергей Владимирович Гричин

**к. филол. н., заведующий кафедрой гуманитарного образования и иностранных языков
Юргинский технологический институт (филиал Национального исследовательского
Томского политехнического университета)**

652055, Кемеровская обл., Юрга, ул. Ленинградская, 26. grichinsergei@mail.ru

В работе рассматривается проблема дискурсивной обусловленности экспликации авторизационных показателей в научном дискурсе на материале текстов жанра научной статьи. Предпринята попытка преодоления интуитивного характера интерпретации мотивов экспликации и импликации авторизации высказывания путем выявления устойчивых регулярно воспроизводимых речевых структур, сопровождающих ряд познавательных действий и обслуживающих сопутствующие им контекстуальные эффекты. Отмечается связь экспликации авторизации с прагматическим потенциалом высказывания, описывается дискурсивная обусловленность смены авторизационного ключа.

Ключевые слова: научный дискурс; авторизация; авторизационный ключ; эксплицитность; имплицитность.

Как известно, содержание категории авторизации составляет не только противопоставление предлагаемой информации как своей / чужой и указание на способ ее получения, но и дихотомия эксплицитности / имплицитности. Т.В.Шмелева указывает по этому поводу, что при обязательности авторизационной характеристики содержания предложения присутствие авторизационных показателей (т.е. эксплицитное ее выражение. – С.Г.) необязательно, во-первых, в силу действия принципа авторизационного ключа, т.е. указания на источник информации в начале текста, и, во вторых, из-за соответствия диктумного содержания характеру получаемой информации. Таким образом, авторизация оказывается факультативной в плане выражения [Шмелева 1984: 90]. Разделяя подобное истолкование причин имплицитности и эксплицитности авторизационных показателей, отметим также, что оно основывается на понимании авторизации как категории не только «предложенческой», но и имеющей определенный выход в текстовую структуру – «указание на источник информации в начале текста». Кроме того, считаем, что эти причины могут лежать и в дискурсивной плоскости, т.е. быть экстралингвистически обусловленными.

На одну из этих причин обратили внимание еще представители аналитической философии. Л.Витгенштейн в своей работе «О достоверно-

сти» приводит несколько групп высказываний, не допускающих использования выражения «Я знаю» (в контексте нашего исследования – авторизационного показателя). Так, с точки зрения здравого смысла неправильно употребление этой модусной рамки с перцептивными высказываниями, сформулированными говорящим в момент непосредственного наблюдения какого-либо явления, при описании внутреннего состояния субъекта, при ссылке на систему очевидных ценностей (например, исторические сведения) или на аналитические суждения [Витгенштейн 1994: 323–338]. На это же обстоятельство указывает Н.Д.Арутюнова: в высказываниях сенсорной оценки модус не находит выражения [Арутюнова 1999: 529].

Анализ лингвистической литературы, освещающей вопрос экспликации языковых единиц, выражающих модус, позволяет заключить, что она происходит в случае указания на индивидуальный чувственный опыт, деятельность, а также язык, тексты (коллективный опыт) [Караулов 2004: 172], на знание в неразрывной связи с мнением [Рябцева 2005: 272], на мнение-оценку и мнение-предложение [Зализняк 2006: 481]. М.В.Всеволодова отмечает, что «в стандартной ситуации общения метасмыслы (к которым относится согласно одной из трактовок и авторизация. – С.Г.) “принципиально невыражаемы” и проявляются в случае риска эту стандартную си-

туацию нарушить, например, опасение, что адресат воспримет просьбу как приказ и обидится или приказ как необязательную для выполнения просьбу» [Всеволодова 2000: 306].

Основания дискурсивной экспликации авторизации также лежат в плоскости прагматики и функционирования языковых единиц. Е.В.Чернявская, описывая категорию интертекстуальности в научном тексте («способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой», а также «универсальный способ построения научного текста на уровне содержания» [Чернявская 2007: 49], средствами которой являются цитация и отсылки (соответственно, при снижении уровня абстракции – авторизационные показатели косвенной речи, маркеры интертекстуальности), отмечает, что «в языке науки широко представлены... только эксплицитные маркеры интертекстуальности (подчеркнуто нами. – С.Г.), а именно цитаты, выделенные кавычками или другими графическими средствами, косвенная речь, фоновые ссылки, примечания, сноски», а также модифицированные заимствования, интерпретация чужой речи [там же]. Е.А.Баженова связывает экспликацию авторизации с реализацией в тексте рефлексивного начала познавательной деятельности: представляя собой один из субтекстов, она является «способом речевого воплощения специфической личностно-психологической рефлексии субъекта познания (авто-рефлексии), сопровождающей научную деятельность на всем ее протяжении – от осознания проблемной ситуации до констатации доказанного положения в форме вывода» [Баженова 2001: 123]. Последние исследования, затрагивающие проблему авторизации (О.Н.Копытов, В.В.Филатова, Н.С.Сыроватская, О.В.Орленко, А.Г.Етко), также демонстрируют интерес к эксплицитно выраженным авторизационным смыслам, оставляя за скобками вопрос о ее импликации.

Представляется, что одна из причин перехода эксплицитного в имплицитное в научном дискурсе заключается в необходимости сжатия передаваемой информации, объем и сложность которой неуклонно возрастают (для научного дискурса это связано с постоянным умножением добываемого знания). Другой мотив экспликации / импликации авторизации можно объяснить, обратившись к теории релевантности Г.П.Грайса, описанной им в работе «Логика и речевое общение» [Грайс 1985: 213–237], а также к ряду положений, связанных с вероятностно-индуктивной инференцией по М.Л.Макарову [Макаров 2003]. Приверженцы инференционной модели коммуникации (к которым относится Г.П.Грайс) считают, что передаваемая содержательная информация осложняется определенным прагмати-

ческим потенциалом, новое знание всегда выводится благодаря наличию различного рода контекстной информации, знанию социокультурного характера, норм и принципов коммуникативного воздействия [Макаров 2003: 126]. На прагматический аспект, ориентацию на реципиента обращает внимание и П.Ф.Стросон [Стросон 1986: 143].

То, каким образом экспликация авторизационных показателей связана с передачей содержания, было показано в статье [Гричин 2012: 265–276]. Однако поскольку специфика дискурсивного выражения авторизации не ограничивается связью с содержательной стороной научного текста, нам представляется интересным взглянуть на «внутренние» мотивы экспликации авторизационных показателей и тем самым расширить предмет исследования. Возможность расширенного анализа смысловых компонентов текста (и авторизационных блоков) кроется в самом принципе организации его смысловой структуры, которая, согласно семантической теории, представляет собой сложный феномен, сравнимый со слоеным пирогом. Сложность смылосодержательной структуры текста обусловлена противоречием между принципиальной многомерностью мира смысла и необходимостью упорядочения любого высказывания по временной оси. По словам А.Н.Баранова, «произнося высказывание, говорящий вынужден определенным образом “упаковывать” многомерное содержание в линейную структуру речевого акта. Это приводит к тому, что некоторые “слои” плана содержания, семантики оказываются более эксплицитными и явными (т.е. очевидными для адресата), а какие-то “слои” погружаются ниже. Самой эксплицитной частью семантики высказывания считается пропозиция (ассерция), а имплицитных слоев довольно много. К ним относятся, например, пресуппозиции, импликации, следствия и пр. Распределение семантической информации по “слоям” плана содержания определяется отчасти грамматикой и лексикой языка, а отчасти речевым искусством говорящего» [Баранов 2007: 40].

Самые поверхностные наблюдения показывают, что неавторизованной становится информация, которая, по мнению адресанта, должна приниматься адресатом на веру, без возражений («assumptions the speaker makes about what the hearer is likely to accept without challenge» [Givón 1979: 50; Brown, Yule 1983: 29]), в то время как в авторизуемой зоне активируются некоторые элементы смысла, что, возможно, говорит о подспудном действии некоторых когнитивных моделей схем / сценариев развития текста и требует исследования.

Мы исходим из того, что авторизованные и неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее развитие мысли (текста), маркируют собой изменяющийся контекст повествования. В этом отношении наше понимание источника подобных смыслов близко к феноменологическим представлениям о правомочности использования данных, полученных как из сферы чувственного восприятия, так и вне ее, т.е. из сферы наших представлений, интуиции: «...мир, с которым мы вступаем в контакт в лингвистике, – это внутренний мир, это мир мысли, формируемой в нас нашими представлениями. То, что он внутри нас, добавляет значительные трудности в его наблюдении, ибо действительно трудно точно уловить, что же происходит в нас самих. В большей мере эта трудность следует из того, что мы всегда начинаем наблюдать с опозданием» [Гийом 1992: 20].

Интуитивный характер интерпретации смысла реципиентом и учет возможной интерпретации этого смысла уже при его порождении отправителем, а также возникающие на этой основе новые, интересубъективные, смыслы отмечает А.Шютц: «Я излагаю смысловые акты, ожидая, что Другие проинтерпретируют их именно в этом смысле и моя схема изложения ориентирована на учет интерпретативной схемы Других. В то же время я могу во всем, что произведено Другими и предоставлено мне для интерпретации, искать смысл, который определенный Другой, сотворивший его, мог с ним связать. Так в этих взаимных, обоюдонаправленных актах изложения и интерпретации смыслов возникает, возводится мой социальный мир повседневной интересубъективности, который точно так же служит социальным миром Других, на чем, собственно, и основываются все социальные и культурные явления» [Schütz 1940: 468].

Преодоление интуитивного характера интерпретации мотивов экспликации и импликации авторизации высказывания мы видим в поиске, во-первых, отправной точки, к которой можно было бы «привязать» развитие нового смысла, поворот в ходе повествования, и, во-вторых, неких относительно устойчивых регулярно воспроизводящихся структур, на базе которых эти изменения происходят.

В целях нашего исследования в качестве такой отправной точки мы определяем смену авторизационного ключа (далее – АК), маркирующую переход к новому источнику информации, а значит, в ряде случаев и переход от авторизованного высказывания к неавторизованному и наоборот. Смена АК, рассматриваемая как дис-

курсивное действие, должна, по нашей гипотезе, актуализировать дискретизацию описываемых объектов и отношений, акцентировать их определенные признаки, способствуя тем самым реализации прагматических схем и стратегий (либо их частей), а также моделированию предметно-референтной ситуации, составляющей предмет общения, предшествующий опыт коммуникантов и вероятностное прогнозирование для реципиента. Таким образом, мы будем рассматривать смену АК как речевое действие, экстралингвистически (дискурсивно) обусловленное отражением в тексте прагматических операций, выявляемых на основе анализа предшествующих смене АК контекстов и последующих после их смены.

Учитывая особенности рассматриваемого нами дискурса, а также не «опуская» уровня абстракции до предметно-жанрового, предположим, что смену АК сопровождают идущие от автора смыслы, представляющие собой результат мыслительных операций автора. В психологической литературе описаны следующие операции мыслительной деятельности, понимаемые как «умственные действия по преобразованию объектов, т.е. психических состояний, идей, мыслей, образов и др., представленных в виде понятий» [Общая психология 2008: 237]: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация, систематизация, классификация. В несколько более расширенном виде этот список представлен у А.Л.Зиновьева, который, описывая мыслительные операции в рамках логики и называя их при этом познавательными действиями, относит к последним выбор (выделение), сопоставление, сравнение, обобщение, ограничение, анализ (разделение), синтез (соединение), интерполяцию, классификацию, эксперимент, моделирование, систематизацию, аналогию, построение теорий [Зиновьев 2006: 136]. У А.С.Майданова находим еще более широкий круг познавательных действий: осознание проблемной ситуации, формулировка проблемы, сбор и анализ релевантных данных, поиск предпосылочных результатов, упорядочение, систематизация, синтез имеющихся данных и их интерпретация, формулирование догадок, гипотез и пробных решений и их проверка, обоснование и оценка, изучение уроков из познавательного процесса [Майданов 1983: 105–115]. С помощью этих операций исследователь проникает вглубь стоящей перед ним проблемы, изучает свойства объектов и явлений, предлагает решение проблем. Отметим также, что идея о связи познавательных процессов с их текстовым выражением лежит в основе теории научных жанров В.А.Салимовского, который в своем диссертационном исследовании отмечает «типологическую

близость речевых произведений, реализующих один и тот же комплекс репродуктивных схем познавательного процесса, <...> жанрообразующую роль познавательных моделей и схем, входящих в систему научного метода» [Салимовский 2003: 90].

Таким образом, смену АК мы рассматриваем также как маркер, отмечающий в тексте определенный текстуальный эффект, имеющий свою экстралингвистическую основу – дискурсивный коррелят, для текста научного произведения представляющий собой мыслительное (познавательное) действие автора. В пространстве текста смена АК выражается во введении нового источника информации, таким образом, она охватывает два предложения (что вполне логично, поскольку смена предполагает переход от одного к другому). Смена АК может реализовываться в соответствии со следующими моделями, состоящими из двух элементов: объективированной и субъективированной авторизации (далее – ОА и СА, иными словами – чужой и своей): ОА–СА, СА–ОА, ОА–ОА (простая смена источников информации). Модель СА–СА нереализуема ввиду принципиальной целостности субъекта речи, однако возможны реитерации, манифестации внутреннего диалога, рассуждения типа «с одной стороны – с другой стороны», которые, впрочем, не являются в прямом смысле сменой АК.

Рассмотрим особенности смены АК, обусловленные воплощением в тексте познавательных операций и возникающие на этой основе контекстуальные эффекты.

1. Познавательная операция и контекстуальный эффект «выбор» («выделение»).

В работе представлен лингвистический анализ выбора номинаций субъектов политической действительности (оценочных и образных); использования коннотаций (смысловых и идейно-политических); изобразительно-выразительных средств (метафора, ирония, литота, каламбур и др.). Самой известной, **по нашему мнению**, фигурой украинской политической реальности является Юлия Тимошенко. Яркая политическая карьера («оранжевая» революция, «газовая война», предвыборная «гонка») позволила журналистам актуализировать в СМИ имидж революционерки.... (Газин., с.8). Смена АК в вышеприведенном примере выражается в солидаризации автора с одной из альтернатив, воплощенных в содержательной структуре двух соположенных предложений: 1) В работе представлен лингвистический анализ...– субъекты политической действительности; 2) по нашему мнению – это Юлия Тимошенко. Процедура выделения (выбора) экстралингвистически обусловлена личностно-психологической рефлексией субъекта по по-

воду объективной действительности, связанной с необходимостью выбора направления исследования, целей, средств и т.д., поэтому модель реализации эффекта характеризуется тем, что авторская солидаризация (выбор, акцент) приходится на второе из двух предложений, первое же содержит перечень альтернатив, из которых и осуществляется выбор. Языковым средством, реализующим процедуру выделения в текстовый эффект выбора, в данном случае является форма превосходной степени сравнения прилагательного (*самой известной*). Таким образом, экспликация авторизирующей конструкции вызвана необходимостью маркирования противопоставления альтернатив и авторского выбора одной из них. Переход от альтернатив к отдельному выбору коррелирует с переходом от общего к частному, сужением перспективы обзора, что, по видимому, также объясняет реализацию данного эффекта через модель ОА (*в работе*) – СА (*по нашему мнению*). Примечательно, что если в данной паре предложений семантику выделения содержит первое из них, то второе может развивать это значение, конкретизируя исходное утверждение, например, перечислением дополнительных атрибутов описываемого явления, таким образом, контекстуальный эффект выделения оказывается более «растянутым»: *Среди черт, свойственных русскому менталитету, выделяют эмоциональность, нерациональность, неагентивность, любовь к морали, рефлексии и саморефлексии, свободолобие и т.п. По мнению исследователей, для русского человека важно подразделение психической деятельности на интеллектуальную и эмоциональную [1], его речь характеризуют позитивная вежливость, осторожность, некатегоричность и высокая оценочность [2].* (Серыш., Филь, с.29).

2. Познавательная операция подтверждения и контекстуальный эффект «подтверждение».

Образ, транслируемый в СМИ, – целенаправленно формирующийся, заранее сконструированный имидж. Так, Г.С.Мельник отмечает, что «техника конструирования имиджа, построенная на создании внешнего рисунка роли, позволяет СМИ внушать избирателям желаемый образ, который может не иметь ничего общего с реальной личностью» [3, с.106]. И.Семененко называет имидж «рукотворной реальностью», это цель и, одновременно, инструмент управления общественными настроениями. Такое управление осуществляется путем «вбрасывания» в публичную дискуссию определенного набора представлений о том или ином субъекте политического процесса [2]. (Газин., с.7).

Смена АК выражается в обращении к дополнительным источникам информации (Г.С.Мель-

ник отмечает, И.Семененко называет) для подтверждения исходного утверждения (в приведенном примере – определения образа в СМИ). Процедура подтверждения экстралингвистически обусловлена требованием убедительности приводимых доводов, служащей для гуманитарных исследований эквивалентом верификации, что и является экстралингвистическим дискурсивным коррелятом данной процедуры, формирующим эффект подтверждения: чем больше источников информации свидетельствуют в пользу данного утверждения, тем оно убедительнее. Реализующими данную процедуру языковыми средствами являются квалифицирующая семантика авторизующих глаголов *отмечать, называть*, содержательное тождество исходного утверждения и приводимого подтверждения (Г.С. Мельником и И.Семененко отмечается и называется то же самое). Текстовый эффект подтверждения основан на модели НА (неавторизованное предложение) – ОА+ОА.

Характерной особенностью контекстуального эффекта «подтверждение» является положительная оценка содержательной части второго авторизованного предложения, что, в свою очередь, определяет и такую его особенность, как принадлежность авторизующей конструкции к квалифицирующему типу: *В соответствии с интенциональной направленностью пьесы на театрализацию к переводу предъясняются требования, обусловленные различиями в читательском и зрительском восприятии, а потому выходящие за рамки традиционного «филологического подхода», при котором типичная для театра ситуация произнесения текста актером не учитывается. К.Беднарц (K.Bednarz) считает данный критерий основополагающим для выделения перевода драмы в самостоятельную область исследования теории и практики художественного перевода. «Распознать театральные и сценические условия в концепции драматургического текста как партитуры и сделать их зримыми в переводе на другой язык, – отмечает он, – это требование является специфическим, так как не соотносится с задачами перевода поэзии и прозы» [1, с.68] (перевод с нем. здесь и далее наш. – Д.О.) (Олиц., с.19). Как и в предыдущем примере, эффект подтверждения усиливается за счет реитерации утверждения (К.Беднарц считает, отмечает он).*

3. Познательная операция и контекстуальный эффект «аналогия».

Познательное действие “аналогия” (сопоставление, сравнение) лежит в основе целого ряда научных методов, играет первостепенную роль при построении классификаций; во многом оно является основой познания, поскольку отно-

сится к числу логических действий общенаучного значения, заключающихся в нахождении какого-либо сходства между объектами. *При этом в Большой советской энциклопедии, например, говорится о сходстве Логоса и Дао [8, с.609], а энциклопедия «История философии» вообще определяет идею Дао, помимо прочего, через Логос [9, с.286]. Получается, что переводчики, вольно или невольно, увидели в Евангелии античный Логос. Ведь и про Дао кто-либо, подобно Августину, мог бы сказать, что читал книги даосов и увидел там, хотя и другими словами, что «В начале было Дао», но что «Дао стало плотью» – не нашел. (Бубн., с.22). Смена АК выражается в развитии исходного утверждения (в приведенном примере – определения понятия Логос: в Большой советской энциклопедии – сходство Логоса и Дао, в энциклопедии «История философии» – Дао = Логос, у переводчиков Евангелие = античный Логос, Августин и другие – обратное определение Логоса через Дао), развертывании его содержательной стороны таким образом, что первоначальное утверждение «просматривается» через призму существующих в иных научных парадигмах представлений о рассматриваемом научном вопросе, получает в тексте дальнейшее развитие, что в итоге способствует тому, что развиваемая идея не только встраивается в развиваемое научное направление, но и оказывается интегрированной в преобладающую в настоящий период парадигму научного знания. Экстралингвистический дискурсивный коррелят, таким образом, обусловлен необходимостью «встраивания» развиваемой идеи в целостную научную картину мира, подчеркивания ее связей с общенаучным дискурсом, определения ее принадлежности к корпусу научных истин, что и приводит к экспликации данной операции в тексте. Языковыми средствами, воплощающими данную мыслительную операцию в текстовый эффект «аналогия», являются: противительный союз *а*, лексические единицы, реализующие значение «аналогия» (*подобно, другими словами*), квалифицирующая семантика авторизующих глаголов (*определяет, увидели, не нашел*). Текстовый эффект «аналогия» основан на модели ОА–ОА, что вполне объяснимо: роль автора – подняться над сравниваемыми объектами для обеспечения большей объективности, поэтому СА здесь находит редкое выражение. Другое дело – противопоставление.*

4. Познательная операция и контекстуальный эффект «противопоставление».

Так, если традиционная лингвистика рассматривает метафору как троп, стилистическое украшение [1, с.296], то в рамках лингвокогнитивного подхода метафора понимается как

фундаментальный механизм мышления, репрезентированный в языковых элементах [2, с.3–7] (Шил., с.11). Текстовый эффект противопоставления основан на следующих языковых средствах: синтаксической конструкции с союзом «если» и соотносительным словом «то», квалифицирующей семантике глаголов *рассматривать* и *понимать*. Характерно для реализации данного эффекта наличие общего предмета сопоставления в предложениях, что, помимо противоположной смысловой полярности, может отличать данное действие и порождаемый им контекстуальный эффект от вышеописанной аналогии, когда сравниваются два или более различных по характеру объекта или явления. Отличительная особенность реализации данного текстового эффекта состоит в том, что смена АК может происходить внутри одного предложения. Текстовый эффект сопоставления основан на моделях ОА–ОА и ОА–СА. Следует отметить содержательную близость аналогии и противопоставления, объясняемую, очевидно, реализуемыми в них процедурами экстраполяции либо интерполяции, хорошо просматривающуюся в следующем примере: *Как мы уже указывали, в Библии верификация наличия духовной жизни основывается на ауторефлексии: «испытывайте самих себя». И лишь до тех пор, пока индивид размышляет и контролирует свое состояние, он может, образно говоря, не просто «носить имя», но и быть живым. Единовременная медитация никак не решает проблему. Декарт говорит практически о том же самом, но не в переносном, а в буквальном смысле: «Я есмь, я существую – это очевидно»* (Бубн., с.24). Здесь языковые средства, непосредственно обслуживающие данный эффект, выделить невозможно, единственным средством служат, пожалуй, номинация сравниваемых источников информации и лексические указатели (*не в переносном, а в буквальном смысле*). Одноименное познавательное действие, лежащее в основе эффекта, – сравнение. Примечательно, что реализация эффекта противопоставления по разным моделям определяет и различие в его функциональном назначении. Так, противопоставление по модели ОА–ОА присуще отрезкам повествования, представляющим собой обзор и анализ существующих точек зрения на рассматриваемую проблему: *Прагматическое направление обозначил французский переводовед Ж.Мунен (G.Mouin), считавший, что основная цель перевода пьесы должна заключаться в желаемом коммуникативном эффекте, выражением которого является непосредственная реакция зрителя. В отличие от Левого, рассматривавшего реплику преимущественно как внутритекстовую структуру, он*

делает акцент на ее связи с внетекстовой действительностью и подчеркивает, что сценичность перевода требует прагматической адаптации текста оригинала (Олиц., с.21). Напротив, смена АК через противопоставление по модели ОА–СА является одним из наиболее распространенных способов выдвижения научной позиции автора, формулирования им своих идей, представлений и теорий, подчеркивания новизны излагаемого содержания: *Некоторые исследователи предлагают преодолеть такую контроверзность требований, проведя четкую границу между переводами драмы, предназначенными для дальнейшей публикации и чтения, и переводами, непосредственно служащими целям постановочного процесса (так называемыми сценическими редакциями или обработками)* [4, с.10]. Однако это разделение *представляется слишком условным, так как в основу спектаклей часто ложатся неоднократно изданные литературные переводы, обработка которых для сцены осуществляется уже в плоскости одного языка без участия переводчика, в то же время сценические редакции нередко издаются и приобретают, таким образом, вполне самостоятельный «литературный» статус. Поэтому сложно не согласиться с Х.Турком (H.Turk), справедливо отмечающим уязвимость чисто утилитарного подхода к определению стратегии перевода драмы* (Олиц., с.19). В данном, как и в большинстве подобных примеров, реализующих контекстуальный эффект противопоставления, второе из двух предложений содержит критическую оценку содержания первого (*разделение представляется слишком условным*), и если содержание собственного взгляда на данном этапе представляется еще не окончательно оформленным, то противопоставление получает дальнейшее развитие, выражающееся к апелляции к дополнительным источникам информации, с которыми солидаризируется автор (*поэтому сложно не согласиться с Х.Турком (H.Turk)*).

В случае если фиксируемое в тексте противопоставление не сопровождается сменой АК, а «умещается» в одном, левом предложении («компрессионный» вариант реализации противопоставления), то смена АК может происходить по модели ОА–НА, при этом авторская позиция будет совпадать с одной из противопоставляемых точек зрения, как в следующем примере. Точка зрения автора может проявляться в положительной оценке одной из противопоставляемых позиций, реализуемой соответствующими языковыми показателями с семантикой положительной характеристики (*живая визуализация, огромный потенциал*): **Общий вывод Хофмана противоположен позиции Мунена: обработка**

в целях адаптации не исчерпывает возможности перевода для сцены. Благодаря живой визуализации текста, а также такому его «механизму», как избыточность (*Redundanz*), зритель располагает огромным потенциалом восприятия и понимания даже очень сложных семантических комплексов (Олиц., с.21–22).

5. Познательная операция «ограничение» и контекстуальный эффект «ограничение».

Согласно теории П.Бурдые, индивид, существуя в определенной социальной среде, приобретает формируемую ею систему представлений и предрасположенностей – габитус. А мыслительные продукты габитуса, будучи лимитированы историческими и социальными условиями, не позволяют создавать что-либо невиданно новое или же просто механически воспроизводить изначально заданное [11, с.108]. (Бубн., с.23).

Смена АК выражается в том, что содержание исходного утверждения в следующем предложении получает логическое завершение, замыкая тем самым развитие мысли в данном направлении. Экстралингвистическим коррелятом данного эффекта является сужение зоны поиска, переход при описании какого-либо явления от общего к частному, т.е. реализация дедуктивного принципа исследования. По сути, данную операцию и воплощаемый ею эффект можно назвать противоположностью операции выделения: если в первом случае выделяемый из некоторого ряда признак / деталь становится главным в фокусе внимания, то во втором случае выделенный признак как бы замыкает собой познавательную операцию. Языковые средства: лексические единицы с семантикой отрицания (*не позволяют создавать*), ограничения (*лимитированы историческими и социальными условиями*) во втором предложении. Модель вышеприведенной смены АК: ОА–НА, однако возможна и обратная модель: НА–ОА: *Чат-коммуникация, в свою очередь, является дискурсивной областью, функционирующей в рамках виртуального дискурса Интернета. О.В.Лутовинова определяет последний как текст в ситуации виртуального общения [5] (Ант., Красн., с.7).*

6. Познательное действие и контекстуальный эффект «обобщение», связанный с мысленным выделением, фиксированием общих существенных свойств, принадлежащих только данному классу предметов или отношений, переходом на более высокую ступень абстракции, также поддается описанию по вышеопределенным критериям.

Таким образом, выход за пределы одного авторизованного предложения и включение в сферу анализа пары предложений, представляющих

собой зону реализации АК в соответствии с приведенными моделями, позволил нам выявить скрытые механизмы экспликации авторизационных показателей. При этом их импликация свидетельствует о действии на данном пространстве текста ранее выдвинутых эксплицированными формами смыслов. Важно отметить, что ни экспликация, ни импликация АП не происходят автоматически при обращении автором к новому источнику информации, но обусловлены реализацией в тексте ряда контекстуальных эффектов, являющихся текстовым воплощением дискурсивно обусловленных познавательных операций. При бесконечности процесса познания количество познавательных операций, находящихся отражение в научном тексте, ограничено известными науковедению и логике. Смена АК является, по сути, не только переключением с одного источника на другой, маркируемым в поверхностной структуре текста соответствующими показателями, но и представляет собой средство, воплощающее в тексте прагматические процессы, связанные, с одной стороны, с реализацией в нем познавательных операций, осуществляемых автором в процессе создания научного продукта, а с другой – с управлением вниманием реципиента, поскольку каждая такая операция, отражаясь в тексте соответствующим эффектом, одновременно означает изменение фокуса внимания автора в сторону расширения (обобщения) или сужения (ограничения) охватываемых объектов или явлений. Представляется, что связь рассматриваемых в динамике развертывания в тексте познавательных операций, коррелирующих с познавательными процессами, со сменой АК, характеризует и сами эти процессы как динамические, действующие при своей реализации различное количество источников информации для сравнения, подтверждения и т.д., осуществляющие переход от широкого к узкому (и наоборот) представлению лежащих в их основе понятий (ситуаций). Смена АК, сопровождающаяся переходами от СА к ОА и НА, расширение текстового пространства в одну или другую сторону от него эксплицируют особенности не только реализации познавательных операций, но и авторской нюансировки (манипуляции) оценочными характеристиками.

Считаем, что представление о смене АК как процессе развертывания дискурса в соответствии с выделенными моделями, с одной стороны, характеризует отраженный в тексте познавательный опыт автора научного произведения, а с другой – может способствовать раскрытию механизма его восприятия реципиентом вследствие возможности прогнозирования «поведения» сопутствующей смене АК модели. Вероятно, бу-

дучи усвоенными, данные модели могут также облегчить восприятие научного текста благодаря эффекту направленности внимания, когда смена АК в сознании реципиента не просто ассоциируется с переходом к новому источнику информации, но и параллельно имплицитно дополняет дополнительные смыслы, актуализируемые в соответствии с особенностями той или иной модели, что в известной степени сокращает когнитивные усилия, необходимые для восприятия.

Описанные модели реализации в тексте познавательных действий не следует воспринимать как нечто раз и навсегда фиксированное: регулярно воспроизводясь в дискурсе, они, вероятно, могут быть подвержены рекомбинации составляющих, образуя тем самым новые варианты моделей, но несомненным остается факт, что смена АК представляет собой сложное явление, в значительной степени определяющее линейную структуру научного дискурса.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-14-70002.

Список источников

Ант., Красн. – Антипов А.Г., Краснова И.В. Нормы виртуального общения в дискурсе русскоязычных чатов // Вестник ТГУ. 2012. №357. С.7–10.

Бубн. – Бубнов Е.С. Мирское сомнение в картезианской философии сознания // Вестник ТГУ. 2012. №358. С.21–24.

Газин. – Газинская Ю.В. Языковые средства формирования образа центральных политических фигур в украинских печатных СМИ // Вестник ТГУ. 2012. №358. С.7–10.

Олиц. – Олицкая Д.А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы // Вестник ТГУ. 2012. №357. С.19–24.

Серыш., Филь. – Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Полипрефиксальные глаголы со смягчительной семантикой в языковом сознании носителей русского языка // Вестник ТГУ. 2012. №357. С.29–36.

Шил. – Шиляев К.С. Ключевая текстопорождающая концептуальная метафора в повести Дж. Лондона «The call of the wild» // Вестник ТГУ. 2012. №358. С. 11–14.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: 2-е изд., испр. М.: Языки рус. культуры, 1999. I–XV. 896 с.

Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 366 с.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Витгенштейн Л. О достоверности. Ч.1. // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. С.323–338.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: МГУ, 2000. 502 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С.213–237.

Гричин С.В. Авторизация в содержательной структуре научного текста // В мире научных открытий. Красноярск: Науч.-иннов. центр, 2012. №5.1(29) С.265–276. (Проблемы науки и образования).

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Зиновьев А.Л. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.

Майданов А.С. Процесс научного творчества. М.: Наука, 1983. 207 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Общая психология: познавательные процессы: учеб. пособие. 3-е изд. Минск: Амалфея, 2008. 368 с.

Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном контексте. // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / редкол.: Н.Д.Арутюнова, Н.Ф.Спиридонова. М.: Индрик, 2005. С.669–684.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Русский академический текст: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М.: РГБ, 2003. 343 с.

Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М., 1986. С.130–150.

Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С.78–94.

Givón T. On Understanding Grammar. New York: Academic Press, 1979. xiv, 379 p.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge, 1983. 304 p.

Schütz A. Phenomenology and the social sciences // Cambridge, MA, 1940. P.164–186.
Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl.

COGNITIVE OPERATIONS AND EVIDENTIALITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Sergei V. Grichin

Head of Foreign Languages and Humanities Department

Yurga Institute of Technology of National Research Tomsk Polytechnic University

The problem of discourse determination of evidential markers explication in scientific discourse on the data of the scientific article is considered in the paper. An attempt is made to overcome intuitive nature of reasons to explicate or implicate the evidential markers in an utterance by means of revealing stable replicable statements, accompanying a number of cognitive actions and serving contextual effects associated with them. A relationship of evidentiality markers explication with a pragmatic potential of a statement is identified; discourse determination of evidential key change is described.

Kew words: scientific discourse; evidentiality; evidential key; explicitness; implicitness.